
«ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ», ИЛИ РУССКИЙ ПУТЬ К ГЛОБАЛИЗМУ

А. В. Кацура

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

Александр Блок

В знаменитой «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевский, развивая мысль о всемирной отзывчивости русской души, говорил о первом нашем национальном гении: «Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии сил своих и, бесспорно, унес с собой в гроб некоторую великую тайну».

Спустя четыре десятилетия в «Скифах» А. А. Блок со страстью и болью повторил мысль о нашей «врожденной всемирности»:

Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Но XX в. пошел столь криво и кроваво, что (несмотря на семидесятилетнее непрерывное государственное ликование) привел страну к «разбитому корыту».

В самом конце 80-х Ю. Ф. Карякин рискнул предположить, в чем разгадка унесенной Пушкиным тайны: «Тайна – идея всепримирения. Всепримирение и с другими народами, и внутри себя».

Но пока не видно, чтобы простая формула эта принималась у нас за нравственный и политический постулат. Казалось бы, ныне, когда мир стремительно превращается в некое сложное целое, нам следует опираться на удивительное качество нашей души и культуры. Но нет. Снова множатся ошибки – изоляционизма, вранья, пустых обещаний, озлобления, недоверия к миру, странным образом уживающихся с дерзкими псевдоевразийскими аппетитами.

Возможно, нам не хватает силы духа и душевной тонкости при попытках осмыслить сплетения нынешних проблем? Завороженные близлежащим горизонтом, мы, как правило, мелко плаваем, не желая и боясь видеть запредельные, головокружительные высоты, равно как и страшные, затягивающие глубины.

Впрочем, «у мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех» (Экклезиаст, II, 14). Однако же «и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы – доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем» (Экклезиаст, XII, 5, 6).

Штрихи мировой геополитики

Русским самим нужно осознать свою историю...
Дональд Туск

Двадцати лет не прошло с той поры, когда Америка считалась нашим (то есть СССР) главным стратегическим противником. В те времена в нашем общественном сознании господствовала не только идея паритета (на самом деле обманчивого), но и – того хуже и страшнее – жила мысль (кем-то очень мощно навязанная) о том, что трудности наши временные, что путь наш велик и праведен, что вот-вот мы «через горную кручу переползем», Америку и империалистов в мирном соревновании пересилим и весь мир убедим (заставим?) жить нашими ценностями и по нашим правилам. В лице Америки мы в ту пору бросали вызов всему миру.

Через два десятилетия странным образом круг замкнулся.

В сознании еще очень многих людей (в том числе и из правящих слоев) происходит фантомный бой с Америкой, главной силой «проклятого Запада». Примеров этому немало, включая многие произведения современной отечественной фантастики, названной некоторыми литературоведами «имперской». И даже когда кто-нибудь из руководителей страны говорит (со скромной и приятной улыбкой), что главным нашим партнером выступают, разумеется, США, все равно в словах этих легко (равно как и в улыбке) читается и потаенный смысл, неоднозначный и лукавый, – вроде бледной улыбки поверженного боксера, неотступно думающего о реванше.

Но есть и второй, более глубокий, уровень ответа. Во имя чего разгрызается это фантомное сражение? Каковы ставки и каковы цели? Казалось бы, мы как вменяемые интеллигентные люди относимся к Штатам пусть и критично, но вполне благожелательно. Почему бы и нет? В конце концов, это самая старая и деятельная демократия, которая, пусть не без ошибок и благоглупостей, но все же стремится к некоему разумному мироустройству. Однако толерантная благожелательность эта гнездится лишь в верхних слоях сознания – там, где имеет место влияние воспитания и образования, где существует некий набор общедемократических представлений и склонность к элементарному анализу. Копни же чуть глубже – в личное подсознание, в коллективное бессознательное – там все наоборот, там этот бой идет не прекращаясь. Там многое рассыпается в прах – и демократические навыки, и поверхностные принципы благовоспитанности. А порою там оскальиваются такие звериные рожи! Но кем и с какой целью навязаны нам эти пещерные тени?

Да, иногда подсознание работает жестко: в аспекте узкого избранного вопроса речь может идти только о *завоевании мира*, о конкуренции мировых владык (актуальных или потенциальных – неважно) и их многомиллионной паствы, и ни о чем другом. Но внешне, на уровне привычной культуры, это все закамouflировано монбланами слов и сентенций. Географические открытия, землепроходцы, мировая торговля, колонии, доминионы, помощь слаборазвитым народам, союзы, альянсы, войны – оборонительные, освободительные, справедливые – и все такое прочее.

Но если вопрос поставить конкретно, в плоскости реальной геополитики – сколько стран сознательно или бессознательно стремится к мировому господству? Сколько стремилось в прошлом?

Таких претендентов, «глобальных игроков», кроме США и России (недавнего Советского Союза), немного – может быть, Китай, который окрепнет через несколько десятилетий. Но этого уже не скажешь относительно объединившейся Европы. Тем более относительно Германии или Японии, давно отпавших как проигравшие Вторую мировую войну. Как важные составные элементы они интегрированы в Западную систему – экономическую, политическую, военную. Последней по времени проиграла великую войну (уже в ее холодном варианте) Россия. Отпала ли она? О, как хотелось бы так думать «цивилизованному Западу»! Разве

не настало время эту возмутительницу спокойствия, эту лохматую норовистую страну причесать, принарядить и указать ей ее почетное, но вполне скромное место в ряду прочих цивилизованных (читай – приструненных) стран? Но таковое, к восторгу огорчению Запада, еще не стало реальным фактом.

Лохматая, взъерошенная страна все еще сопротивляется. И это обстоятельство составляет основное содержание новейшей эпохи (ближайших лет, а может быть, и десятилетий).

Что случится в эти годы – однозначно предсказать невозможно. Можно, разумеется, представить веер сценариев. Но задачей этих заметок являются не сценарные разработки, коих в литературе немало, а скорее поиск глубинной логики происходящего.

Если не вспоминать древних (Александра, персов, гуннов, крестоносцев, монголов, Тимура), взять лишь Новое и Новейшее время – кто мог завоевать мир (глобализировать его силой оружия)? Мог, хотел и стремился? Британия? Чуть раньше – Испания? Захватив бескрайние земли в Центральной и Южной Америке, испанцы не сумели их интегрировать, лишь расплыли и надорвали свои силы, утратив в своей родной Европе статус великой державы. У Британии получилось несколько лучше. Интересный, кстати, вопрос: почему и как какой-то не столь уж великий остров на северо-западе Европы, отвоеванный 1000 лет назад у кельтов и саксов норманнами, разослав в XVII–XVIII вв. свои корабли по морям и океанам, захватил половину мира, возглавил мировую промышленность и торговлю и свой провинциальный островной язык сделал языком всемирным? Как это вышло? Чего такого особенного можно было разглядеть в англичанах? Промышленная революция? Национальная энергия, выплескивающаяся за пределы небольшого острова? Заметим, что энергия эта в упомянутые столетия направлялась уже не в Европу. Столетняя война была давно позади. Окрепла, пройдя через судорогу революции, Франция. Наполеон явился, дабы подхватить эстафету. Бросив перчатку надменным британцам, он добрался аж до Москвы. Но быстро покатился назад. Победный удар Веллингтона был эффектен, но уже не означал военного присутствия англичан в Европе, показывая лишь, что влияние их не истощилось. Забавно вспомнить, что двенадцатью годами раньше совместно с императором Павлом Первый консул Франции планировал поход на Индию, чтобы отнять ее у надменных британцев, подорвать их роль мирового лидера. Пустая фантазия корсиканца или загадочное, не совсем нам понятное жжение? Впрочем, вполне очевидно, что после успешного выдавливания из Индии англичан, ежели бы таковому суждено было случиться, союзники готовились друг друга «кинуть». Кто кого ловчее? Едва ли в этом деле опередил бы пылкий и недалекий Павел. Скорее холодный и мощный Бонапарт, который, по всей видимости, догадывался (хотя никогда не озвучил), что в сердце Азии лежат ключи к господству над миром – геополитическая истина (или только гипотеза?), сформулированная через сто лет британцем Макиндером. «Разбойник суши» собирался отогнать от «Сердца Земли» «разбойников моря» (так Макиндер называл англичан). Задача для тех времен была для французов и русских непосильной.

XIX в., завершившийся объединением Германии, вытолкнул еще одного новичка на конкурентное поле. С этого и начал закипать XX век. Германцы, внешне культурные, казалось бы, весьма и весьма цивилизованные, но в коих на самом деле не умерла еще былая варварская энергия, вдруг ощутили себя несправедливо зажатыми на клочке земли в центре Европы. Словно вдруг очнулись: куда это она подевалась, Священная Римская империя германской нации? Скотт Фицджеральд в романе «Великий Гэтсби» остроумно определил Первую мировую войну как «запоздалую миграцию тевтонских племен». Можно, кстати, понять логику тех историков, которые выдвинули мысль о том, что не было никакой Второй мировой войны,

а было лишь продолжение после двадцатилетнего перемирия все той же Первой. Ибо главная ее логика осталась прежней (с XIII в. лелеемой) – Drang nach Osten.

Припомните, однако, завоевательные планы Гитлера. Он собирался продвинуть рейх всего-то до Урала. А сибирские остатки русской промышленности и вооружений добывать с помощью дальней авиации. Но почему не вся Россия? Не весь мир? В чем причина этого геополитического самоограничения? Откуда этот провинциально недоразвитый аппетит? Фюрер был недальновиден? Провинциален? Не вник в доктрины Хаусхофера, ученика и продолжателя Макиндера (только на германский лад)? По-видимому, и первое, и второе, и третье.

Россия на подобном фоне некоторое время выглядела обстоятельней и умнее (хотя, может быть, и спинным лишь мозгом): с одной стороны, конечно, сонной, «кондовой» и «толстозадой»; зато с другой – порывисто энергичной и сосредоточенно нацеленной. Второе пунктирно проявлялось, по крайней мере, со времен чеканной формулы инока Филофея и походов Ермака. Несколько столетий готовились представители поначалу невеликого Московского княжества к собиранию земель, к безмерному расширению своего влияния, к походу в «Сердце Земли». И реализовывали все это неспешно и планомерно. Но зачем? Что за сила тянула их в неведомые земли? И не применимы ли к безмянным русским завоевателям (как ранее к туркам или монголам, а еще раньше к маврам или гуннам) печальные пушкинские строки: «Сколько их? Куда их гонят?..». Ведь не может быть, чтобы все было так просто – отправились и завоевали. И справедлива ли мысль, что завоеваний алкали вожди, а народ и не спрашивали?

Впрочем, российскую военную экспансию не отделить от своеобразного русского мессианства, берущего свое начало все в том же иудейско-христианском духовном поле, противоречиво заряженном на любовь и натиск, из коего черпали свою энергию и католики времен крестовых походов, и католики времен конкистадоров, и протестантские отцы-пилигримы, неспешно заполонившие пространства Северной Америки.

Что касается германцев, то их ревностный взгляд, бросаемый в сердце Азии, наткнулся на русские равнины, замедлявшие бег тевтонских геополитических фантазий. Воевать с Россией или сотрудничать с нею? Важнейший вопрос немецкой политики в течение нескольких столетий. Но уже со времен Немецкой слободы в Московии, и особенно с начала Голштейн-Готторпской линии в династии Романовых, в явном виде обнаружилась некая взаимная тяга Германии и России. Русские и немцы не воевали со времен Грюнвальда. Случилась, правда, Семилетняя война, вошли русские войска в Берлин. Зашатался трон под великим Фрицем (Фридрихом II), но вовремя для него умерла императрица Елизавета (своей ли смертью?), а наследник Карл Петер Ульрих Голштинский (Петр III) быстро отыграл все назад и даже помог Фридриху в войне с австрийцами. И случайно ли через сто с лишним лет трезвый и волевой Бисмарк завещал с Россией не воевать? Он, прослуживший ряд лет послом в Петербурге, знал Россию не понаслышке. Конечно, некую роль могла сыграть его пламенная и безнадежная влюбленность в Екатерину Трубецкую, жену русского посланника в Брюсселе князя Николая Орлова. Агатовый брелок, подарок красавицы Кати, «железный канцлер» носил на часовой цепочке до последнего часа. После смерти канцлера было обнародовано его письмо 1890 года, в котором он требовал отставки, обвиняя кайзера в том, что тот разрушает добрые отношения с Россией.

Не случайно и граф Шуленбург, вручая Молотову ноту об объявлении войны, не смог сдержать слез (и разумом, и сердцем понимал он, что Германия будет повержена и навсегда протиснется со своею мировую мечтой).

Российско-германский союз? Сколько людей об этом прекраснодушно помышляли! Ведь даже Осип Мандельштам в те дни, когда всюю уже ревели пушки русско-германского фронта, пылко (и наивно?) воскликнул:

А я пою вино времен –
Источник речи италийской –
И в колыбели праарийской
Славянский и германский лен!

В то время в Европе было два вида варваров, впрочем, внешне довольно схожих. Разве классический русский северный тип – рослый голубоглазый парень с копной льняных волос – не смахивает на «белокурую бестию»? Вот как старший друг Мандельштама Николай Гумилев в те же годы сопоставил скандинава и славянина:

Эльга, Эльга! – звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.
Ольга, Ольга! – вопили древляне
С волосами, желтыми, как мед...

При этом поэт (к тому времени заслуживший в русской разведке два Георгия) не скрывает, что чувствует воинственные токи и от того, и от другого племени:

Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.
Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.

Славные битвы (они же – страшные войны) были не за горами.

А разве случайно все более настойчиво подозревают Распутина в заговоре в пользу Германии? Журналист Олег Шишкин рассказал в документальной исторической повести «Убить Распутина...», как в начале лета 1916 г. к «цареву любимцу» прибыла из Берлина загадочная неофициальная делегация во главе с балтийским бароном Хохеном Эстеном, желавшая добиться мира с Россией. И будто бы склоняла фаворита к отстранению от трона Николая, убежденного противника сепаратного мира. И будто бы Распутин, втянув в заговор помимо прочих лиц и своего любовника Феликса Юсупова, соглашался в январе 1917 г. на уход царя с трона в пользу императрицы-немки, которая будто бы уже готовила немедленный мир со своими германскими родственниками и заодно земельную реформу в России.

Лично я в подобную позицию Распутина не совсем верю. Да, он неоднократно и публично говорил, что желает мира с немцами и стремится к нему. Но тут мне видится иное: Распутин, хотя и темный человек, однако же и провидец. В продолжении войны он видел смертельную угрозу для царя, которого беспрекословно любил, как, впрочем, и царицу. Он говорил царствующим особам: «Ежели меня не сохраните, то и сами погибнете». Так и вышло. Казалось бы, смерть германофила Распутина объективно была выгодна французам и англичанам, опасавшимся выхода России из войны. Кто мог ожидать столь быстрого самоустранения царя, падения неоперившегося буржуазного правительства, прихода к власти маргинальных утопистов-экстремистов, умело подкупленных немцами и из войны Россию все-таки выведших. России это особых благ не принесло, ибо немцев все равно добились, но восточная империя, принесла огромные жертвы, в стане победителей не оказалась и плодами победы не воспользовалась.

И все же любопытно поразмышлять, что бы получилось, если бы описанный выше план в том или ином варианте удался. Союз двух самых воинственных, самых сильных империй Европы и в то же время наиболее отягощенных грузом прошлого, если бы только он оказался прочен, мог означать только одно: замедление истории или даже некоторое ее обращение вспять. Дабы прочувствовать этот фантом замедления или даже поворота вспять истории, необходимо припомнить замечание Маркса о европейских странах, находящихся «не на уровне истории». Под таковыми Маркс имел в виду именно Германию и Россию. Быть «не на уровне истории» – это не просто быть отсталым, это хуже: это значит выпасть из истории, исторически заплутать, вступить на ложный путь или даже повернуть вспять (как бы «предать историю»). Россия в массе своей была более дремучей, но это не спасало Германию. На уровень истории (а это не просто быть современным, это значит умело сохранять верность своей предшествующей истории, но не быть ее пленником и уметь заглядывать за горизонт) в те годы вышли только лишь Франция и Англия, да каким-то своим особым образом Америка за океаном. Лишь в этих странах продолжал закручиваться исторический процесс, ведущий, по мысли Маркса, к дальнейшей демократии и возможным социалистическим преобразованиям. Последнюю тему (ныне дразняще-спорную) оставим в стороне. Важно другое. Да, действительно, Германия и, особенно, Россия еще не были вполне свободны от тисков средневековья. Их союзная военная победа и доминирование в Европе сие бы и означали: поворот к новому-старому средневековью. (Позже, в 30-е гг., это все равно случится. Тогдашнее торжество НКВД и гестапо ведь очень будет напоминать по приемам инквизицию и аутодафе. И как их тянуло друг к другу! Это только простофилю мог огорошить внезапный союз Гитлер-Сталин (пакт Молотова-Риббентропа). Нет, двух палачей магнитом тянуло друг к другу, но на самом деле это выглядело и смешнее, и чудовищнее, нежели несостоявшийся союз Наполеон-Павел. Осенью 1940 Гитлер говорил Молотову, прибывшему на переговоры в Берлин: пропустите мои войска через Каспийские степи, я отвоюю у англичан Индию и подарю ее вам, русским. Молотов (на всякий случай отзвонив в Москву) хмуро отказался от «подарка». (А может, зря отказался? Как было легко подловить нацистов на столь чудовищной провокации!)

Да, прочности в коммуно-нацистском союзе конца 30-х гг. быть не могло. «Добрые союзнички» только лишь успели раскроить и поделить Польшу. Причем Сталин действовал по восточному коварней: советским войскам был отдан приказ вступить в Польшу лишь тогда, когда Гитлер за две недели «расколошматил» регулярную польскую армию. Поразительными и переломными окажутся «сороковые роковые», когда два средневековых пса сцепятся, ослабляя друг друга, что и будет означать возвращение – поначалу робкое – истории на свое законное место.

Свобода или повиновение – что эффективней?

О, мы, русские, жестоко поплатились за безудовное доверие, оказанное сильному человеку, принятому многими из нас за благодетеля человечества.

Даниил Андреев

И вот тут проявится роль Америки, двести лет готовившейся к прыжку. А как это начиналось? Я приведу длинную, но крайне интересную выдержку из Алексиса де Токвиля. Этот француз в первой трети XIX в. обнародовал геополитический прогноз (на мой взгляд, лучший в истории научных прогнозов вообще), смысла и значения которого тогда никто не оценил. Молодой французский историк и дипломат посетил Северо-Американские штаты, весьма далекую и очень мало населенную территорию, на деле изучил идущие там демократические про-

цессы и в книге, которая так и называлась – «Демократия в Америке», написал следующее:

«Итак, настанет время, когда в Северной Америке будет жить полтора миллиона жителей, равных между собою, которые все будут принадлежать к одной семье, все будут иметь одно историческое происхождение, одну цивилизацию, один язык, одну религию, одинаковые привычки и нравы и между которыми мысль будет обращаться, принимая одну и ту же форму и окраску. Все остальное остается сомнительным, но это достоверно. Вот, стало быть, совершенно новый факт в мировой истории, значение и последствия которого трудно себе представить даже в воображении.

В настоящее время существуют на Земле два великих народа, которые, начав с различных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы.

Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал и об их появлении, и об их величии. Все другие народы, по-видимому, почти достигли пределов, предназначенных им природой: их задача – только охранять приобретенное. Но эти два народа находятся еще в периоде роста. Все остальные остановились или подвигаются только с большими усилиями; лишь они одни идут легко и скоро по пути, которому глаз еще не может видеть конца.

Американец борется с препятствиями, предоставляемыми ему природой; русский борется с людьми. Один воюет с пустынями и варварством, другой – с цивилизацией, находящейся во всеоружии; поэтому завоевания американцев делаются плугом земледельца, завоевания русского – мечом солдата.

Для достижения своей цели первый полагается на личный интерес и предоставляет свободу действий силам и разуму отдельных лиц. Другой сосредоточивает, так сказать, в одном человеке все силы общества.

Для одного главное средство действия есть свобода, для другого – повиновение.

Их исходные точки различны, пути их тоже различны; и однако каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волею провидения держать когда-нибудь в своих руках судьбу половины мира».

Едва ли славянофилы, чье движение только зарождалось, прочитали эти строки. На русском они были опубликованы лишь в 1897 году. Но сколько глубинных совпадений при взгляде на душу русского человека и на его исторические перспективы! Впрочем, дело не только в славянофилах и не только в их последователях-евразийцах. Можно сказать проще и грубее, как бы схватывая самую глубину русских оснований: это глобальная русская мечта – сосредоточение сил в одном человеке. Сколько раз история являла нам картины того, с каким экстатическим восторгом массы отдавались, подчинялись одному: сначала это были цари, потом «народные вожди» Ленин, Сталин, Хрущев, в более слабом и несколько пародийном варианте – Брежнев, на краткий миг вспыхнувший Андропов, затем пошли реформаторы – Горбачев, Ельцин, затем прямо на наших глазах возшла и не хочет заходить звезда Путина. Конечно, последний пример еще слишком свеж и по исходам неясен.

Посмотрите, однако, что случилось с общественным мнением страны за считанные годы, как только люди разглядели в новом президенте черты вождя, пусть еще только проявляющиеся. Мгновенно его популярность взлетела до заоблачных высот. Выборы 2004 г. показали, что речи нет об искусственно надутым пузыре. Нет, здесь, скорее, иное: уставшие от независимости (пусть первое время и ущербной, и относительной) массы внезапно увидели *того самого*, кому можно передоверить часть собственной ответственности. И потянулись за ним. И как должное приняли передачу эстафетной палочки – ни дать ни взять, передача короны и ски-

петра. Случай этот говорит нам: какими мы были 50 или 200 лет назад, таковы мы и сейчас. Но не обольщаться нужно этим и не пугаться, а думать и анализировать. Способна ли Россия расстаться с мечтой? А вдруг подобное сосредоточение в одном человеке – *задание СВЕРХУ*? В том смысле, что это не ленивое чувство холопов, не самоуничижительное падение рабов, а назначение Божие? Или, говоря словами более приземленными, мы таковы по своей природе, по своим архетипам, которые невероятно устойчивы и с огромным трудом поддаются изменениям, если вообще поддаются. Бесспорно, были времена, когда единение с вождем и в вожде было эффективно, порой – чудовищно эффективно. Но так ли ныне?

Прежде чем заниматься этим интригующим вопросом, вернемся к теме Токвиля. Америка и Россия. Я напомним, что более чем через полвека после француза яркую будущность Америки предсказывал Фридрих Энгельс. Он говорил так: если Америка введет свободу торговли, то благодаря огромным природным ресурсам и умственной и нравственной способности американской расы Штаты через десять лет побьют Англию на мировом рынке. Энгельс сказал это после президентских выборов 8 ноября 1892 г., которые позволили американцам стряхнуть с себя иго английской монополии и открыли путь к свободе торговли. На всех рынках, предсказывал Энгельс, изделия английской промышленности, в особенности текстильной и металлургической, будут вынуждены вступить в борьбу с изделиями американской промышленности и в конце концов потерпят поражение. Энгельс, будучи учеником Маркса, был превосходным экономистом и предсказал по этой части все верно. Возможно, он был и хорошим социалистом, но провиденциалистом он был слабоватым. Он полагал, что *падение протекционистской системы в Америке означает в конечном счете победу социализма в Англии*. Нечто иное ожидалось в Германии: разумеется, и ее промышленность неизбежно будет втянута в соревнование с *самой молодой и самой сильной в мире нацией*, однако сто шансов против одного, писал Энгельс, что в силу чрезмерной ограниченности и трусости германской буржуазии ее песенка спета. То есть ни социализма, ни экономических высот. Энгельс бросил косой взгляд и в сторону России, но он совсем не верил в ее экономические возможности. Россия волновала его с военно-стратегической точки зрения.

Что касается Токвиля, то нельзя не заметить, что, по-видимому, впервые в истории (в 1835 г.) гениальным французом был поставлен вопрос о том, что грядет эра биполярного (двухполюсного) мира. Токвиль проницательно за век с четвертью разглядел эти 2 полюса – Россия и США. Впервые в подобных оценках и расчетах Европе (великой европейской цивилизации!) оставалась роль второстепенная. Кто там? Британия, Франция, уже закатившаяся звезда Испании, пока еще активная Голландия, пробуждающаяся Германия. Но нет, полюса уже формировались совсем в иных, куда более широких пределах. Между прочим, на бескрайних землях Северной Америки, освоенных едва ли наполовину, в 1835 г. жило немногим более 12 миллионов человек. А Токвиль смело предсказывал десятикратное умножение где-то к середине следующего столетия. И как угадал! В 1950 г. в США уже около 150 млн жителей. (Отдельно взятый демографический прогноз француза был ошеломительно точен.) Что касается России, кстати, то даже ее европейские пространства по сравнению с Европой в те времена были населены слабо. Но высокие темпы прироста (чуть более 2 % в год) обеспечивали удвоение населения каждые 35 лет, так что 40 млн (цифра пушкинских времен), дважды удвоившись за 70 лет, превратились в начале XX в. в 160 миллионов. Казалось бы, в условиях бескрайних территорий ничто не препятствовало дальнейшему росту. Первые годы XX в. так и продолжалось: при сохранении высокой рождаемости Россия начала демонстрировать самые высокие в мире темпы экономического роста. Если бы эти тенденции сохранились, то к середине века в России было бы более трехсот миллионов (вместо 200 млн в СССР тех лет), а к началу XXI в. –

более шестисот (вместо нынешних 143-х) при высочайшей технологической базе и огромных накопленных богатствах. (Именно такую Россию предсказывали американские аналитики, составлявшие прогноз в начале XX в. для правительства США.)

Разумеется, могут возникнуть сомнения в справедливости подобного линейного прогноза, однако же бурные события 1917–1921 гг. (а далее к 1929-му и 1941-му) все перечеркивают, делая оценки и споры вокруг них схоластическими. Тягостный большевистский эксперимент, растянувшийся на долгие 70–80 лет, подорвал биологические силы российского народа. В итоге прирост за весь XX в. составил круглый ноль при очевидном падении физического и особенно нравственного здоровья населения. Выбираться из этой ямы нам в лучшем случае уготовано не менее половины срока падения в нее, то есть лет сорок. Можно понять нетерпение демократов-романтиков, но – увы! – классический «срок Моисея» в Ветхом Завете обозначен отнюдь не случайно.

Разумеется, Алексис де Токвиль, аристократ и консерватор, убежденный противник французской революции, не мог предугадать такого оборота дел в России. Он жил в домарксистские времена (умер в 1859 г. 54-х лет от роду, а когда вышла его книга о демократии, 17-летний Карл Генрих Маркс лишь заканчивал гимназию в Трире и готовился изучать право и философию в Бонне). Токвиль ничего не хотел знать и слышать о «социализме». Демократические же основы жизни общества он изучил основательно, сделав самый главный вывод: демократия – это сотрудничество независимых личностей, а не организованная (якобы демократическим государством) безличностная масса. Таким образом, в токвилевской оценке русского типа личности (готовой передоверить все свои личностные силы вождю) уже содержался намек на грядущий кризис и «облом». Россия неизбежно должна была окунуться в страшную и кровавую купель, из которой возможны два выхода: либо в этой кровавой предродовой мешанине новый национальный тип независимой личности родится (дав надежду стране на динамичное будущее), либо она навсегда отойдет в третий мир, сохранив в памяти национальную легенду о былом могуществе. (У нас ныне эту надежду озвучивают при помощи слабенького эвфемизма под названием *средний класс*. Да ведь не очень пока понятно, из кого этот класс состоит. Крепких духом и умных людей (интеллигентов в хорошем смысле слова) что-то там не очень и разглядишь. А старая интеллигенция странным образом расплзлась и «выпала в осадок». Так что надо говорить именно о *новом типе личности*.)

Один из возможных исторических сценариев

Вся Европа с ужасом смотрит на этот русский колосс...
Князь Ливен

И все же сколь любопытно в плане исторической фантазии посмотреть, как могла бы выглядеть русская экспансия в ее оптимальном варианте при тех условиях, когда бы Россия, набрав мощную историческую инерцию, продолжала бы внешние завоевания, не теряя своих внутренних структурных пружин. (Предположим, что люди с характером и волей Ермака, Петра, Румянцева, Суворова, Сперанского, Горчакова, Столыпина, Колчака, Брусилова действуют свободно, и никто внутри страны им не мешает.)

Итак, *русский условно-оптимальный сценарий*.

После присоединения Сибири и Аляски русские закрепляются в Калифорнии, куда еще не добрались англо-саксонские пионеры. Энергичный Резанов не умирает от горячки, но укрепляет форт Росс и расширяет владения российской короны за счет индейских, мексиканских и испанских земель на Диком Западе. Оправившись после неудачной Крымской кампании и сделав надлежащие выводы, Россия

продолжает присоединять Туркестан, после чего снова начинает войну за вожделенные проливы. Отнять их у вконец ослабевшей Турции в начале XX в. труда не составило бы. Западные державы на сей раз едва ли вмешались бы, ибо перед ними вставала новая угроза – объединившийся и окрепший германский рейх, чья энергия опытными наследниками князя Горчакова была бы тонко и умело направлена на запад. Один из реальнейших моментов присоединения европейского клочка земли вместе со Стамбулом (упущенный Николаем II) сложился к лету 1913 г., когда Турция потерпела поражение в Балканской войне. У ряда российских политиков и генералов уже был составлен конкретный план захвата проливов, но «уперся» царь. По воспоминаниям Родзянко, царь сказал притоптывающим от нетерпения генералам примерно следующее: это некрасиво и неблагородно – воспользоваться нынешней слабостью Османской Порты. И что скажут в Европе – что мы разбойники? Смущенные генералы ушли, ничего не добившись.

Однако вообразим, что им удалось склонить царя. И что? Русские войска занимают те пространства, которые когда-то назывались Восточной Римской империей или же Византией, нашей духовной праматерью. Царьград естественнейшим образом объявляется третьей столицей Третьего Рима. Русское правительство перебирается на теплые берега Босфора. Российский флот доминирует в Средиземном море. Русский десант высаживается на Пелопоннесе, в Сицилии и на Мальте. Его встречают цветами Северная Африка, жители которой видят в России освободителя. Святая земля оказывается в зоне русского влияния. Англичане скрежещут зубами. Автокефальная греческая церковь признает Московского патриарха. В то же время Папа Римский не против присоединить к святой церкви 200 млн православных. При этом не акцентируется, кто кого присоединяет. Просто ведутся умелые переговоры о восстановлении единой христианской церкви. Становится вдруг ясно, что дело крестовых походов не погибло втуне, что помощь через 700 лет неожиданно пришла с Востока от прежних схизматиков, которых бичевал еще в XIII в. папа Иннокентий III и на которых призывал идти крестовой войной его преемник папа Григорий IX, и что объединение Европы, по всей видимости, состоится под патронажем российского императора. (Полвека спустя похожей модели с помощью полупохожей идеологии будет придерживаться Сталин – новый российский «император», но кончится все равно провалом.)

Тут уместно задуматься о подлинных внутренних импульсах коммунистической экспансии. Так или иначе, но в числе прочих расширений просматривается (как виртуальная возможность, которой на Западе явно опасались) и *тот самый поход* в 1979 г. в Афганистан (будто бы истосковавшийся в ожидании социалистических освободителей), а далее, рассекая Персию и Пакистан, выход к теплому океану, где и можно наконец «омыть» пресловутые сапоги. А конкретнее – построить города, аэродромы и гавани. Впервые в истории возникла бы империя (российская коммунистическая), превышающая по площади империю чингизидов. При этом на колоссальных просторах Юго-Восточной Азии располагаются нейтрально-дружественная Индия и военно-дружественный Китай, умело удерживаемый под властью пророссийских коммунистов. Таким образом, мировой контрольный пакет обеспечен. Остался бы не до конца решенным вопрос Западной Европы. Что ж, чего не удалось Наполеону (и Гитлеру), то довершили бы их смертельные друзья с востока.

(Продолжение в следующем номере.)